

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Владимирский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Учебное пособие по дисциплине «Социология»

*Под редакцией Л.М. Барановой,
И. И. Нечаевой, И.А. Новикова*

Владимир 2007

УДК 316.3 : 321

ББК 60.52

В 40

Авторы: И.А. Новиков (гл. 1, 1.2); Л.М. Баранова (гл. 1, 1.1); И.И. Нечаева (гл. 2, 2.1); В.Е. Семенов (гл. 1, 1.1); О.А. Семенова (гл. 1, 1.1); С.Ю. Соколова (гл. 2, 2.1); Д.И. Пономарев (гл. 2, 2.2); А.И. Иванов (гл. 3, 3.2); В.М. Жильцова (гл. 3, 3.1); В.С. Щитко (гл. 2, 2.2); Ю.А. Прохоров (гл. 1, 1.2); Д.И. Петросян (гл. 3, 3.2); И.В. Свинцов (гл. 3, 3.1); Е.М. Владимирова (гл. 3, 3.1); Е.Ю. Аникина (гл. 1, 1.2).

Рецензенты:

Кандидат философских наук, заместитель директора по учебно-методической работе Владимирского филиала Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доцент
А.А. Чекушов

Кандидат философских наук,
доцент Владимирского государственного университета
Д.И. Пономарев

Печатается по решению редакционного совета
Владимирского государственного университета

В 40 Взаимодействие государства и гражданского общества: теоретические и практические аспекты : учеб. пособие по дисциплине «Социология» / А.И. Новиков [и др.] ; под ред. Л.М. Барановой, И.И. Новиковой, И.А. Новикова ; Владим. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2007. – 50 с. – ISBN 5-89368-734-5.

Рассматриваются основные проблемы формирования гражданского общества, его институтов в современной российской цивилизации, выявляются позитивные и негативные моменты процессов его становления, а также принципы гражданского общества, условия формирования, механизмы взаимодействия государства и гражданского общества.

Включает в себя текстовые материалы, примерные темы рефератов, рекомендательный список литературы, контрольные вопросы и необходимый статистический материал.

Предназначено для студентов I – IV курсов факультета гуманитарных и социальных наук дневного отделения по дисциплинам «Политическая социология», «Политология», «Социология».

Библиогр.: 18 назв.

УДК 316.3 : 321

ББК 60.52

ISBN 5-89368-734-5

© Владимирский государственный университет, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие представляет собой коллективную работу преподавателей кафедры социологии и предназначено для студентов дневного и заочного отделения, изучающих базовые курсы «Политология», «Политическая социология», а также различные дисциплины специализации.

Пособие включает в себя материалы как теоретического, так и практического характера:

- 1) текст, раскрывающий механизмы и способы взаимодействия государства и гражданского общества, в том числе и в современной России;
- 2) список рекомендуемой литературы;
- 3) тематику докладов и рефератов;
- 4) контрольные вопросы и задания.

В целях эффективного раскрытия основных проблем, охватывающих достаточно большой круг вопросов, материал учебного пособия разделен на три главы:

Гл. 1. Гражданское общество и государство: процессы институционализации.

Гл. 2. Власть, гражданское общество, личность в современной России.

Гл. 3. Практические аспекты взаимодействия гражданского общества и государства.

Глава 1. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ

1.1. Институциализация основ взаимодействия гражданского общества и государства

Генезис социальной мысли, ориентированной на конструирование возможного бытия, является органичной составляющей общей интеллектуальной эволюции, начавшейся в «осевое время». Дискурс древнегреческой философии: «физика» или «антропос» и в зависимости от этого – что субстанционально и первично – центральная тема размышлений. «От мифа к логосу» и от природы к человеку – вектор «рациональных страданий» древнегреческих мудрецов, проложивших сократический путь в духовных поисках места индивида в социуме. «Человек есть мера всех вещей» – знаменитая фраза софиста Протагора отразила в том числе и единство телесности и красоты, а красоту эллины считали воплощением гармонии космоса: все прекрасное конечно, иначе невозможна гармония. Стержень духовной революции «осевого времени», по К. Ясперсу, – переход к рациональности и универсальности; тем самым были заложены первокирпичики будущих гуманитарных и социальных знаний о человеке.

Христианство абсолютизировало абстрактную духовность, игнорируя телесность, сведя ее к физиологическому, вторичному, а значит, «низкому», поддающемуся искушению. Гуманисты Возрождения преодолели эту односторонность, провозгласив равноправный дуализм телесного и духовного, открыв тем самым новую страницу в книге сократического познания. В России понятие «гуманность» впервые начнет использовать европеист Н.М. Карамзин, размышляя и дискутируя о самобытности развития России на фоне радикальных перемен в Европе на рубеже XVIII – XIX вв.

Немалая часть античных достижений была утрачена в ходе христианизации европейских варваров, в том числе и ростки личностной самореализации, зародившейся в полисной организации. Ко многим ценностям Европа вновь вернулась через мусульманскую культуру. Творцы гуманизма пользовались художественными средствами персидской и арабской культуры. Считается, что гуманизм возник как альтернативная схоластике светская форма духовности в творческой среде итальянских поэтов и писателей, но еще в XIII веке, за десятилетия до «Божественной комедии» Данте, «гуманизм» впервые прозвучал на фарси в философско-этической поэзии Саади.

Впоследствии обогащенное естественнонаучными знаниями, эмпириями и праксисом гуманистическое мировоззрение трансформировалось в антропоцентризм, где человек выступал как деятельный и неуемный преобразователь природного и социального миров. Естествоиспытатели XVII в. и просветители XVIII в. добавили третью составляющую – разум, которому доступно все. С этих пор единство телесности, духовности и рациональности – основополагающая триада структуры личности. В XIX в. слова Ф. Ницше «Бог умер» резко умерили восторженные трактовки человека, открыв путь прагматизму. Тернистый путь гуманизма как универсального человеческого сознания и универсального знания о человеке за столетия после Данте, Т. Мора, Д. Локка с необходимостью привел к правовому закреплению индивидуальной свободы личности в конституциях европейских стран, что явилось стержнем формирующегося феномена гражданского общества.

Социальное прогнозирование как неотъемлемый элемент социально-философского, а затем социологического мышления началось с построения утопических идеалов. Мечта об идеальном обществе, где все люди одинаково пользуются земными благами, есть в каждом народе. Мифы служат ярким примером тому. Утопия как духовный феномен своим предшественником имела миф, который был главной формой мировоззрения на дописьменном этапе предистории человечества. Мифосознание, возникшее как адекватный способ бытия и эмоционального восприятия в первобытную эпоху, не исчезло с появлением рационально-рефлексивных форм сознания: философии и зародившегося в ней научного знания. Эти принципиально новые парадигмы мышления вытеснили мифосознание на периферию общест-

венного сознания. Давно утратив господствующие позиции, мифосознание продолжает жить воистину вечной жизнью, выступая образцами позитивных ценностей, обладающих способностью в наглядной, упрощенной форме аккумулировать психологическую энергию людей, сублимируя ее в конкретных и понятных формах и образах. Мифосознание основано на преобладании эмоционального начала, неразвитой рациональности и мыслительной логики. Эта сфера отражения мира первична для всех людей, а у большинства преобладает, способствуя складыванию стереотипов массового сознания, типичных моделей поведения и отношений для всего общества. Наличие в утопии некоторых архетипов, сформировавшихся первоначально в русле мифа, а также другие черты сходства дают основания утверждать, что миф обретает в утопии новое существование. Обозначается внутренняя преемственность между культурой прошлого, настоящего и будущего. Индивидуальное и коллективное бессознательное продуцирует эти феномены.

Общественная мысль Нового времени преобразовала утопические поиски предшественников. Приоритетными стали идеи индивидуальной свободы, самоценности личности, неотчуждаемых прав и свобод. Мыслители XVII – XVIII вв. отказались от античного и средневекового тождества индивида и государства, провозгласили автономию личности, утвердив тем самым вечную антиномию личности и государства.

Дуализм гражданского общества и государства, иначе говоря, – дуализм принципа сотрудничества (дискурса) и принципа господства – подчинения является необходимым и, следовательно, неустранимым условием, предпосылкой свободы. Этот дуализм предстает прежде всего как существенное различие в структурном строении гражданского общества и государства.

Первичным элементом гражданского общества является сфера *частного*. В европейской социальной философии существует вполне справедливое мнение, что гражданское общество интенсивно формируется начиная с XVII в. Однако речь идет о *развитом* гражданском обществе, осознавшем свою самость и отличие (кое в чем – противоположность) от государства. Подчеркивает это отличие и само значение слова «частный» в качестве синонима словосочетания «гражданское общество». «Частный» (англ. «private» от лат. «privatus»), «при-

ватный» означает находящийся вне сферы официальной государственной политики и государственных институтов.

Помимо сознательного позиционирования гражданское общество Нового времени (прежде всего в Англии) вступает в этап собственной *институционализации*, что свидетельствует о его безусловном развитии состоянии. Первоначальная институционализация (по прекрасному описанию Ю. Хабермаса в книге «Структурное изменение общественности») происходит пока еще в маргинальных формах: гражданское общество находит свое «пристанище» в клубах, салонах, театрах, музеях, других учреждениях культуры, университетах, кафе и кофейнях, «клубных» партиях, обществах и т.п., и, наконец, в прессе, независимой от государства. В Англии гражданское общество опирается кроме этого на парламентскую оппозицию с собственной свободной прессой и социально-критической литературой (Дж. Свифт, Д. Аддисон, А. Поуп, Д. Дефо, Ф. Эттербери, У. Конгрив, Б. Мандевиль и др.).

Несколько позже в европейском гражданском обществе начинается важнейший для его оформления процесс – *легализация*. Многие институционализированные «пристанища» гражданского общества попадают в декларации, законодательство и конституции, придавая ему тем самым (к уже имеющейся легитимности) *легальность*.

Сфера *частного* как предпосылка, первичный элемент гражданского общества уже противостоит сфере *официального*, регулируемого, т.е. зачаткам государства. Общество создает государство, но это последнее на определенной ступени своего развития *отчуждается* от общества и начинает существовать по собственным, независимым от общества (а иногда и противоположным) законам, преследуя опять же собственные, зачастую совершенно чуждые обществу цели, главная из которых – самосохранение и личное благополучие. Перефразируя известное выражение Р. Михельса, этот процесс можно назвать «железным законом бюрократии». В такой ситуации необходимы а) постоянный контроль общества над государством и б) сотрудничество гражданского общества и государства.

Структурный дуализм гражданского общества и государства как условие и предпосылка свободы необходимо сохранять, однако ни в коем случае он не должен перерасти в *антагонизм*, что в конечном итоге приведет к разрушению как первого, так и второго. Иначе гово-

ря, структурный дуализм двух социальных систем должен быть разделением *правового* государства как гаранта и защитника жизни, прав, свобод и собственности гражданина и гражданского общества как *саморегулирующейся* системы.

Дуализм гражданского общества и государства может принимать по меньшей мере формы дуализма *функционального, целей и средств их достижения, ценностного, организационного, структурного*.

Сущность структурного дуализма заключается в следующем. **Гражданское общество** по своей структуре представляет собой *горизонтальную сеть* свободных ассоциаций, организаций и институтов, расположенных *вне* сферы государственной власти. Подобная *сеть* имеет множество всевозможных *автономных* центров, которые соединены между собой таким же множеством разнообразных связей. Разрушение или дисфункция одного или нескольких центров не влечет деструкцию *сети* в целом. Возникнув как сфера *частного, горизонтальная сеть* гражданского общества в развитом виде включает в себя совокупность частных интересов, семью, общины, многообразные общественные, профессиональные и региональные объединения и организации, политические партии, группы интересов, частный бизнес и, конечно же, свободные (от государства!) средства массовой коммуникации. К гражданскому обществу традиционно относят и всю систему местного самоуправления. Это в целом справедливо, но с двумя существенными оговорками. Во-первых, система местного самоуправления не может быть *полностью* включена в структуры гражданского общества, ибо построена на принципе господства – подчинения (характерном для государства), а не на принципе дискурса (характерном для гражданского общества). Во-вторых, российская специфика местного самоуправления состоит в том, что оно в значительной степени зависимо от государственной власти и подконтрольно ей и – наиболее главное – до сих пор не стало еще *автономным* самоуправлением, оставаясь по существу (как при советском режиме) нижним этажом государственной власти.

Таким образом, структура гражданского общества – это горизонтальная сеть свободных, автономных ассоциаций, объединений, организаций и социальных групп. Для этой сети характерен *плюрализм* составляющих ее элементов, а никак не целостность. Лучшее гражданское общество – это творческий хаос; это дом с общим фундамен-

том, но дом, состоящий из множества этажей, квартир, переходов, щелей и закоулков (Р. Дарендорф). Основной принцип возникновения и жизнедеятельности гражданского общества – *спонтанность*, что характеризуется свободным *дискурсом* как формой коммуникации внутри гражданского общества; свободным формированием, текучестью и динамикой его структур, мнений и воли (Ю. Хабермас). Именно на основе указанных структур, принципов и существенных характеристик строится «жизненный мир» гражданского общества.

Государство в противоположность гражданскому обществу представляет собой *иерархическую* (вертикальную) структуру, основанную на принципе господства – подчинения. Соответственно система государственной власти несовместима с принципами горизонтального структурирования, дискурса, плюрализма и спонтанности.

Стремясь к осуществлению контроля над государством, гражданское общество выработало определенные законы (правила) строения и функционирования государства. Важнейшее из этих правил – разделение властей на три ветви (сейчас говорят о четвертой – контрольной) и различные уровни (федеральный и региональный). Разделение властей является нормативным основанием правового государства. В настоящее время возникают доктрины (и уже воплощаются на практике) о балансе властей и их субсидиарности. Тем не менее требование разделения властей на ветви и уровни до сих пор остается наиболее актуальным и важным для любой государственной власти. (Попутно замечу, что российская практика выстраивания пресловутой «вертикали власти» и предложение, скажем без околичностей, о *назначении* глав администраций регионов противостоят демократическим принципам строения и функционирования государственной власти и существенно ущемляют интересы гражданского общества. Единство власти не должно противоречить принципу разделения властей).

Структурный дуализм гражданского общества и государства ни в коем случае (как сказано выше) не должен приводить к отчуждению и антагонизму между ними. Проблема совместимости (сотрудничества) гражданского общества и государства существует перманентно и в таком же режиме должна решаться. Остановлюсь на трех (из множества других возможных) формах сотрудничества.

Во-первых, существенно сблизить как содержательный, так и формальный аспекты взаимодействия гражданского общества и госу-

дарства сможет *делиберативная* политика (лат. *deliberatio* – обсуждение), основанная на дискурсе множества общественных и государственных субъектов. Автор концепции делиберативной политики Ю. Хабермас сформулировал четыре условия возможности дискурса и соответственно коммуникативной рациональности: а) равенство в применении коммуникативных средств участниками дискурса; б) равенство шансов на тематизацию проблем и на критику; в) свобода самовыражения; г) равенство статусов участников дискурса, исключение привилегий и возможности подавления. Очевидно, что делиберативная политика резко увеличивает роль средств массовой коммуникации (включая СМИ, их свободу от государства). Институционализованный дискурс гражданского общества и государства, коммуникативная политика являются наиболее эффективными формами сотрудничества двух социальных систем.

Во-вторых, государство постепенно, но неуклонно должно диверсифицировать свою власть, принимая все больше форму «коллегиального строения» (Т. Парсонс). «Коллегиальная модель» подразумевает *ассоциативное* устройство бюрократии; не централизацию и аккумуляцию власти, а, напротив, ее децентрализацию и устройство по типу добровольных ассоциаций, присущих гражданскому обществу. При этом политическое участие становится всего лишь «штатной работой» и трансформируется в социальную роль работника. «Коллегиальная модель» в наибольшей степени институционализировалась к настоящему времени в академическом мире: равенство коллег исключает строгую иерархию, выборность заменяют назначения, формы отчетности все более усложняются и демократизируются (высшие инстанции принимают лишь окончательные, формальные решения, а отбор кандидатов и контроль деятельности осуществляют коллеги). Отсюда ясно, что в современном государстве значительно и резко возрастает важность демократических *процедур* и прежде всего институционализированных процедур выборности, контроля, подотчетности, принятия решений, равенства возможностей и т.п.

В-третьих, в современном обществе решающее значение приобретает проблема общей системы ценностей, которая в конечном счете трансформирует и структуру государственной власти, и структуру гражданского общества, и формы взаимоотношений этих систем. Речь идет о гештальтах, которые Ральф Дарендорф называет *лигатурами*.

Лигатуры, в его понимании, представляют собой глубинные структуры, «скрепы», общие идеи (ценности), принимаемые гражданским обществом и государством и объединяющие их. Этот процесс придания общего смысла и ценности социальной реальности Т. Парсонс, думается, назвал бы «генерализацией ценностей» (партикулярные ценности уступают место общечеловеческим) и «ценностной приверженностью» (действие ценностей через убеждение и апелляцию к чести, совести, без применения негативных санкций), а Ю. Хабермас – становлением «коммуникативной рациональности».

В качестве примеров *позитивных* лигатур можно привести традиционные для США лигатуры *веротерпимости и гражданства* (как синонимов свободы) и позиционирование конституции и флага в качестве «*светской религии*», для Англии характерна старейшая лигатура «Богом избранной демократии». Другими позитивными лигатурами можно назвать идеи делиберативной политики, благосостояния и др.

Кроме позитивных лигатур, существуют и *негативные*: любые националистические или религиозно-экстремистские идеи, лозунг государства о единстве власти и т.п. Подобные лигатуры в силу своей принципиальной ограниченности и партикулярности, этнического, религиозного и социального эгоизма никак не могут выполнять функцию «скрепов». Напротив, любые негативные лигатуры играют сугубо деструктивную роль в социальных системах.

В современных обществах сближение (в целом) «жизненных миров» гражданского общества и государства является и социальным императивом, и (в некоторых странах) доминирующей тенденцией развития социальных систем.

Важнейшей коммуникативной системой, организующей человеческие отношения и способствующей формированию духовных оснований социального пространства, является **социальный институт**. Именно посредством институционализации человеческих потребностей даже самые примитивные из них (пища, размножение) преобразуются в духовно значимые формы жизни (пост, брак). Социальный институт как легально-практическая форма духовного исходит не из суммарной ценностной устремленности отдельных «Я», а эксплицирует и артикулирует духовное «МЫ» как высший уровень социальности. Именно на этом уровне обретают действительную значимость такие ценности, как Личность, Гражданин, Свобода, Долг, Право, без

которых невозможно реальное функционирование гражданского общества.

Современной ситуации в нашей стране присуща такая динамичность ценностно-смысловых потоков, что ценностные ориентиры часто успевают возникнуть и разрушиться еще до того, как получают общественную легитимность, что значительно затрудняет процесс формирования устойчивых гражданских ценностей, потребностей и их институционализацию. При отсутствии в обществе развитых институционализированных традиций самоорганизации и самоуправления возрастают роль и ответственность различных общественных образований. Именно они, находясь вне сферы жесткого государственного регулирования и контроля, способны актуализировать и инициировать ценности и потребности гражданского общества, способствуя формированию его институтов.

В процессе функционирования социального института синтезируются прошлое (опыт), настоящее (деятельность) и будущее (проект). Тем самым не только обеспечивается целостность и непрерывность социального бытия, но и утверждается его ценностно-смысловое содержание.

Субъектами инициирования общественно значимых ценностей могут быть (на различных этапах) и отдельная личность, и социальная группа, но сам выбор реально осуществляется обществом лишь через организационное и нормативное оформление и закрепление этих ценностей соответствующими социальными институтами. Так, например, свобода «процветает только в том случае, если нам удастся создать институты, обеспечивающие ее стабильность и продолжительное существование».

Таким образом, гражданское общество как особая система взаимодействия социальных статусов и институтов начинается с осознания обществом соответствующих ценностей и потребностей, а становится социальной реальностью по мере их институционализации.

Социальный институт, выступая в качестве субъекта ценностно-смысловых координат повседневного бытия, формирует коммуникационное поле социума, в границах которого и осуществляется ценностный выбор, так что «принятый таким образом центральный символ включает в себе окончательную санкцию изменений и указание на предел нововведений». Социальный институт тем самым задает цен-

ности легитимность и повседневно-практическую очевидность. Конечно же, «традиционная легитимизация опирается на принятие некой фигуры, события или порядка прошлого (реального или символического) в качестве средоточия коллективной идентичности, указателя пределов и характера социального и культурного порядка».

Важно отметить, что социальные институты не являются взаимозаменяемыми структурами и не способны обеспечить реализацию ценностей и потребностей, которые лежат за пределами их функциональной сферы. Каждый социальный институт имеет свою историческую «нишу» ценностного мира человека. При этом взаимоотношения между социальными институтами в качестве субъектов ценностей повседневного бытия крайне неоднозначны. Они могут то находиться в конфликте между собой (наука и религия, экономика и религия...), то удачно сочетать свои ценностные позиции.

Понимание духовных основ социального института осложнено и тем, что один и тот же институт может в различные исторические периоды инициировать альтернативные нормативные установки. Так, например, религия или искусство могут способствовать гуманистическому прогрессу, а могут возвести в норму культ насилия и жестокости. В конечном счете дегуманизация и деформация ценностных установок приводит к отторжению обществом данного инварианта социального института, к его разрушению или радикальной трансформации. Причем в отличие от прежних эпох, когда на этот процесс могли уходить века, современное гражданское общество располагает информационными и организационными рычагами, позволяющими достаточно быстро осознавать и реагировать на институциональные кризисы.

Таким образом, институционализация духовных оснований гражданского общества задается совокупностью повседневных реалий социума, его социокультурной спецификой и историческими глобальными тенденциями.

1.2. Механизмы и способы взаимодействия гражданского общества и государства

Рассматривая возможности построения гражданского общества, необходимо в первую очередь говорить о наличии или отсутствии в обществе соответствующих предпосылок. Рассмотрим некоторые из них применительно к России начала XXI в.

Проблема взаимодействия власти и народа. Ключевым моментом, определяющим характер этого взаимодействия, в последнее десятилетие явилась приватизация. По мере перехода государственной собственности в частные руки ценность власти росла для тех, кто получил значительную часть государственной собственности. Необходимо было законодательно закрепить изменения форм собственности и обеспечить условия для ее сохранения и приумножения. Влияние олигархов на властные структуры стало одним из значимых факторов формирования вектора реализации властных полномочий. В таких условиях голос большинства населения России, не имеющего четко выраженных экономических интересов, не может быть услышан. Отсюда недоверие населения к институтам власти. На сегодня реальным доверием у населения пользуется лишь Президент России. Исполнительным, законодательным и судебным органам власти доверяют лишь около 20 % россиян. Это наблюдается как на федеральном, так и на региональном уровнях. Жители России считают, что реальная власть принадлежит олигархам и крупному капиталу, а власть лишь обслуживает их интересы. По результатам опроса населения России, проведенного компанией “Ромир-мониторинг” в ноябре 2004 г., так считают более 50 % россиян. И лишь около 5 % опрошенных ответило, что власть в стране принадлежит народу. Отсюда понятно отношение россиян к тому, что делает власть, и, в частности, к переходу России на рыночную экономику. По данным того же исследования лишь около 40 % респондентов считают, что переход к рыночной экономике в России был необходим. И это после 15 лет преобразований в России. В этом смысле президентская инициатива о назначении губернаторов фактически является признанием патологического состояния во властных структурах. Этот вынужденный шаг по укреплению вертикали власти является вместе с тем и шагом назад на пути построения гражданского общества в России.

Особо следует рассмотреть политическую власть в стране. Накопившийся в СССР опыт управления из Центра был реализован и в партийном строительстве. Зарождаясь в Москве, партии создавали себе филиалы по принципу филиалов банков, крупных коммерческих фирм. Административное начало было первичным, а идеологическая составляющая (если она была) была сформулирована в виде лозунгов, столь похожих для разных партий, что определить, кому принадлежит

та или иная цитата, было весьма затруднительно. Исключение составляет лишь старая гвардия сторонников коммунистической идеи. Партийное строительство превратилось в вид бизнеса. Зачастую региональные лидеры партий представляли лишь самих себя. Отсюда недоверие к партиям. Менее 10 % населения России в той или иной мере доверяют партиям. С другой стороны, в России нет сегодня реального опыта объединения населения для реализации своих политических притязаний. В этих условиях решение президента о выборах по партийным спискам по форме укладывается в рамки усилий по формированию гражданского общества, а фактически является вынужденной мерой, прикрывающей все изъяны политического устройства России.

Усилия властных структур последнего десятилетия были направлены на поддержание экономической составляющей потенциала страны. Социальная же составляющая этого потенциала оказалась практически вне поля зрения властей. Обнищание народа в ходе экономических реформ привело к целому ряду негативных социальных последствий. В нищете выросло целое поколение молодых людей. Подростающее поколение оказалось в воспитательном вакууме. Семья, в которой родители заняты тем, чтобы добыть пропитание (порой безуспешно), не в состоянии помочь ребенку в его развитии. Школа занята в основном обучением. Низкая зарплата учителей, отсутствие в школах социальных педагогов не позволяют школе уделять должное внимание воспитанию. Ребенок остается один на один со своими проблемами, его социализация проходит стихийно, под значительным воздействием социально-дезориентированных факторов. Одним из таких факторов являются средства массовой информации. Особенно это относится к зарубежным фильмам, где зачастую насилие предлагается как способ решения подобных проблем. О значимости для подростков влияния этих фильмов говорят цифры. Опрос учащихся старших классов в городе Владимире показал, что на героя отечественного фильма хотят быть похожими 3 % учеников, а на героя зарубежного фильма – 14 %. Нищета материальная не могла не привести к нищете духовной. Отсюда всплеск молодежной преступности, наркомания, суицид... Попытка государства решить эти проблемы путем создания комитетов по делам молодежи, комиссий по работе с трудными подростками, служб социально-психологической помощи молодежи непродуктивна, поскольку это лишь борьба со

следствием. В этих условиях трудно говорить о процессе формирования гражданского общества в России. Пока речь идет о создании предпосылок для этого.

Контрольные вопросы и задания

1. С чем связана дифференциация сфер гражданского общества?
2. Сравните особенности права и морали как регуляторов общественных отношений.
3. Почему моральная оценка характерна только для гражданского общества?
4. В чем сущность этапов становления гражданского общества: институционализация и легализация?
5. Почему структурный дуализм гражданского общества и государства является необходимой предпосылкой свободы?
6. В чем заключается сущность гражданского общества и государства?
7. Что такое делиберативная политика как форма сотрудничества гражданского общества и государства?
8. Что представляет собой «коллегиальная модель» государственной власти?
9. Как вы понимаете сущность лигатуры? Какова роль лигатур во взаимоотношениях гражданского общества и государства?
10. Как повлияла перестройка социально-экономических отношений в XVI – XVII вв. на формирование в Европе радикальных политических идей?
11. В чем заключаются триумф и трагедия ренессансного гуманизма?
12. В чем заключается роль реформации в формировании прав человека и индивидуализме?
13. В чем сущность поиска социально-политического идеала в XVI – XVII вв.?
14. Какие научные открытия сыграли важнейшую роль в становлении нового мировоззрения в индустриальные эпохи?

Глава 2. ВЛАСТЬ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. Власть и институты гражданского общества

Гражданское общество, представляющее собой совокупность различных государственных институционализируемых образований, функционирует и развивается главным образом на основе присущих ему механизмов саморегуляции.

Не берясь за это в целом, обратим внимание на то, что для функционирования этого механизма используются специальные социальные технологии.

Термин “социальные технологии” – один из новейших в социологической науке. В отечественной социологии разработкой проблем, непосредственно связанных с данным понятием, более всех занимались Ю.П. Аверин, А.К. Зайцев, В.Н. Макаревич, В.С. Дудченко, Л.Я. Дятченко, Ю.Д. Красновский, В.И. Патрушев, А.И. Пригожин, В.В. Щербина и особенно интенсивно В.Н. Иванов.

Социальные технологии представляют собой способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, достижение заданного результата. При этом речь идет о специфических социальных средствах.

Специфика технологии в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры.

Особую значимость социальные технологии имеют в условиях сегодняшней России, осуществляющей сложнейший и неизвестный до сих пор мировой практике переход от жестко планируемой организации общественной жизни к обществу, основанному на экономической и политической свободе, инициативе и ответственности челове-

ка. Поиск новых форм и способов организации общественной жизнедеятельности во всех сферах требует выработки и реализации самых разнообразных социальных технологий, особенно в управленческих процессах, где отчетливее всего проявляется эффективность технологизации.

Основной для развития социальных технологий являются знания и опыт, накопленные социологической наукой. До недавнего времени методы социологии развивались в основном как методы получения знания, в результате чего исследователи, имея доказательные выводы о сути явлений, не могли дать рекомендаций о способах воздействия на неблагоприятные тенденции, подсказать пути разрешения выявленных проблем. Как отмечает А.И. Пригожин, контраст между достоверностью выводов и зыбкостью рекомендаций начал постепенно преодолеваться благодаря переходу социологии из сферы одних только исследований и разработок в стадию “активной социологии” – выявления проблем и выработки их решения.

Иначе говоря, потребовались социальные технологии осуществления реальных изменений.

Социальная технология – элемент человеческой культуры – возникает эволюционно либо это связано с потребностью быстрого и крупномасштабного тиражирования новых видов деятельности. Построение социальной технологии осуществляется за счет разделения деятельности на отдельные операции, природы и специфики той области, в которой разворачивается практика.

Обзор имеющихся точек зрения по определению сущности и содержания социальных технологий позволяет сделать вывод, что социальная технология – это совокупность последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения оптимального социального результата. Социальная технология – важнейший элемент механизма управления, средство перевода языка намерений на конкретный язык практики управления.

В социальном управлении наибольшее признание получили социальные технологии, предназначенные для выработки управленческих решений, осуществления организационного проектирования.

Разработка социальных технологий – особое научно-прикладное направление управленческой деятельности, выражающееся в транс-

формации знаний в целях диагностики состояния социальных явлений и процессов.

Функционирование социальных технологий всегда связано с потребностью оптимизировать социальное управление, быстро и оперативно тиражировать социальные приемы и процедуры.

Социальные технологии реализуются в различных сферах общественной жизни: в экономической, социальной, политической, духовной.

В России налицо потребность в продуманной технологии создания условий для того, чтобы общество развивалось без авторитарного давления, ущемления прав и свобод граждан и социальных групп. Для решения этой общегосударственной проблемы необходима выработка и претворение в жизнь различных региональных и локальных программ, т.е. социальных технологий на среднем и микроуровне. Рыночной экономике нужны современные технологии управления и организации, позволяющие рационализировать труд каждого человека. Общая тенденция этого процесса такова, что каждая отрасль знаний разрабатывает свои социальные технологии, обеспечивающие реализацию социальных разделов и оптимизацию социальных процессов.

В наследии А. Грамши есть идеи, открывающие необычные подходы к решению многих философских и политических проблем. Смысл грамшианского вклада в политическую науку, на наш взгляд, может быть выражен категориями “исторический блок”, “гегемония”, “интеллигенция”, связанными с проблемой свободы человека в современном обществе.

А. Грамши вводит понятие “исторический блок”, чтобы зафиксировать уровень развития общественных отношений и, следовательно, положение человека в обществе. Соотношение базиса и надстройки в рамках “исторического блока” проявляется как соотношение формы и содержания, где производственные отношения определяют содержание, а надстройка представляет собой форму, причем это разделение в достаточной степени условно¹. Таким образом, “исторический блок” имеет следующую структуру:

1. Экономико-социальное содержание (базис).
2. Этико-политическая форма (настройка).
3. Отношения их единства и противоположности.

¹ См.: Gramsci A. Quaderni del carcere. – P. 869.

Разрешение противоречия между формой и содержанием приводит к образованию нового блока в соответствии со следующими принципами:

1. Ни одно общество не погибнет и не может быть заменено другим до тех пор, пока не разовьются все те формы, которые присущи его отношениям.

2. Ни одно общество не ставит перед собой каких-либо задач, если условия для их выполнения еще отсутствуют².

Грамшианский “исторический блок” как метод анализа общественной жизни замечателен тем, что позволяет максимально точно определить специфику изучаемого периода, принимая во внимание уже сложившиеся и еще только зарождающиеся тенденции в развитии общества.

Характер взаимоотношений между индивидом и государством определяет уровень развития свободы в обществе. По мнению Грамши, государство “в интегральном значении = диктатура + гегемония”³. В другом случае философ определил государство как “совокупность политического и гражданского обществ, то есть, гегемония, защищенная принуждением”⁴. Понятно, что ключевой категорией в данном случае является “гегемония”, обеспечивающая реальное согласие между разнонаправленными интересами различных социальных групп. В принципе управлять людьми и добиваться их согласия можно двумя путями: либо с помощью принуждения (насилия), либо доказывая превосходство общей цели над частными интересами. Если первое обычно связывается с деятельностью государственных институтов, то второе относится к сфере “гражданского общества”, рассматриваемого Грамши в качестве системы, в которой “отдельная личность будет сама управлять собой, но такое самоуправление не будет вступать в конфликт с политическим обществом, а, наоборот, станет его нормальным продолжением, его органическим дополнением”⁵. Мостом, соединяющим сферу частного интереса отдельной личности и область общегосударственного интереса, является, по мнению Грамши, политическая партия, которая при определенных усло-

² См.: Грамши А. Тюремные тетради. – М., 1959. – С. 163.

³ Gramsci A. Quaderni del carcere. – P. 810 – 811.

⁴ Ibid. – P. 763 – 764.

⁵ Там же. – С. 281.

виях может стать субъектом гегемонии. Она “в отличие от институтов власти, соответствующих нормам традиционного конституционного права, юридически не царствует и не правит: она имеет “фактическую власть”, осуществляет функцию гегемона и, следовательно, **уравновешивает различные интересы в сфере “гражданского общества”**, которое, однако, фактически настолько тесно переплетено с политическим обществом, что все граждане чувствуют, что в действительности именно она царствует и правит”⁶ (выделено нами. – С.С.). В целом позиция Грамши по отношению к роли политической партии в общественной жизни соответствует сложившейся в Европе демократической традиции, при которой “лицо” общества зависит от специфики партии или группы партий, находящихся у власти, и от уровня развития гражданского общества. “На Востоке государство было всем, гражданское общество было в зачаточном состоянии и размытым; на Западе между Государством и гражданским обществом существовало истинное соотношение и при появлении Государства сразу возникла сильная структура гражданского общества”⁷. С другой стороны, подчеркивание ведущей роли политической партии в обществе отражает ортодоксальный марксистский взгляд на политическую жизнь с точки зрения классового принципа, согласно которому подлинным выразителем интересов какого-либо класса (прежде всего рабочего) может быть только одна партия. Вместе с тем существование различных политических партий с одинаковой в принципе социальной базой заставляет принимать в расчет излишний схематизм “марксистско-ленинской” социально-классовой структуры. В конечном счете использование термина “гегемония” (кстати, заимствованного из ленинских работ периода первой русской революции 1905 – 1907 гг.) позволило философу показать специфику европейского пути развития, тесно связанного с существованием демократических институтов, с развитой структурой гражданского общества.

На протяжении всей истории Государства Российского во взаимоотношениях личность – общество – государство лидирующее положение всегда занимало государство, неизменно подчиняя общество и личность своим интересам. Результатом такого многовекового раз-

⁶ Грамши А. Избранные произведения. – М., 1980. – С. 274.

⁷ Gramsci A. Quaderni del carcere. – P. 866.

вития явилось утверждение в Российской Империи самодержавной монархии.

Но некоторые зачатки гражданского общества в России существовали всегда. Началось все с института «вече». О стремлении русских к свободе свидетельствуют и многочисленные крестьянские бунты. Следует также сказать и о таком специфическом социально-политическом явлении, как казачество, имевшем свое собственное управление. Но сильная государственная власть всегда жестко подавляла все вольнодумские тенденции, создавая в умах людей образ сильного, всеподавляющего государства как высшей ценности.

Особая веха во взаимоотношениях общества и государства в России связана с советским периодом, результатом которого явились отрицание прав и свобод гражданина, а также своего рода «диктатура над потребностями». Но наиболее негативным явлением советского периода явился подрыв таких ценностей, как инициатива и индивидуализм.

Такое положение сохранялось вплоть до 90 гг. XX в., когда в результате демократических реформ была предпринята попытка создания в стране гражданского общества. Но за более чем десятилетнюю историю постсоветской России развитое гражданское общество создано не было.

Да, конечно, определенные элементы гражданского общества в России созданы. Так, в России зарегистрировано 300.000 организаций гражданского общества, хотя по оценкам экспертов число стабильных и работоспособных гражданских организаций составляет лишь 20 – 30 тысяч.

Следующим важным элементом является якобы начавшийся диалог государства и гражданского общества. Примером того могут служить Гражданский форум (ноябрь 2001 г.) и недавнее обращение Президента к Федеральному собранию (май 2004 г.), в котором он обозначил в качестве стратегической цели создание гражданского общества в России.

Необходимо сказать об основных проблемах построения гражданского общества в России: 1) специфический уровень правосознания; 2) крайне низкий уровень активности населения; 3) сильные патерналистские ожидания в обществе и вера в «доброту царя»; 4) состояние свободы слова (закон «О собраниях, митингах, демонстраци-

ях, шествиях, пикетированиях»); 5) положение о «независимых» СМИ; 6) «независимая» судебная система; 7) административная реформа, предложенная сразу после трагических событий в Беслане.

Итак, у России существует два пути развития: 1) долгий и сложный путь к демократическим реформам; 2) возврат к авторитарному государству. Произошедшие перемены привели к созданию условий формирования гражданского общества. Но его развитие сдерживается двумя основными факторами: 1) особенностями российского менталитета; 2) деятельностью самой верховной власти. Таким образом, можно предположить, что построение развитого гражданского общества в России откладывается на неопределенный срок.

2.2. Гражданское общество и его проявление в некоторых сферах

В истории России много раз приходилось обращаться к проблеме гражданственности и патриотизма.

Патриотизм – весьма важная и сложная ипостась бытия, одно из самых трепетных и ранимых чувств Российской ментальности и самосознания. Патриотизм как общечеловеческое явление не должен быть средством разъединения и противопоставления народов друг другу. В этом смысле он прямо противоположен национализму и шовинизму. Необходимость в духовности и патриотизме особенно велика в современной России, находящейся на крутом историческом переломе. Дальнейший успешный ход реформ вряд ли возможен, если система формирования и развития подрастающего поколения будет лишена духовно-нравственных основ, особенно любви к своему Отечеству. Именно в условиях современного развития идея патриотизма может и должна стать тем стержнем, вокруг которого сформируются высокие, социально значимые чувства, убеждения, позиции, устремления молодежи, ее готовность и способность к активным действиям для блага Отечества.

Ситуация в современной России усложняется не только напряженностью хозяйственно–экономического развития и обозначившимися противоречиями в межэтнических и межрелигиозных отношениях, но и ухудшением демографической ситуации. То, что сейчас

происходит в нашей стране, демографическая наука называет депопуляцией: сверхнизкая рождаемость и сверхвысокая смертность. Началось это в 1992 г. (во Владимирской области ещё раньше – в 1990 г.). Через 10 – 15 лет дефицит рабочей силы в России может составить 6 – 7 млн человек.

Ясно, что даже к 2050 г. стабилизировать рост населения в стране за счет повышения рождаемости не удастся, значит, вся “надежда” – на мигрантов. Сегодня практически во всех развитых странах естественную убыль населения компенсирует миграция. Наша область в числе других регионов центральной России считается одним из наиболее благоприятных мест для жительства. Владимирский край стал второй родиной для переселенцев из Молдавии, Украины, Белоруссии, Узбекистана и других стран ближнего и дальнего зарубежья. Мигранты – это рабочие руки, приток новых, свежих сил.

Уже сегодня миграция, по сути дела, наполовину компенсировала падение численности населения из-за депопуляции. По мнению директора Института этнологии и антропологии РАН профессора В. Тишкова, Россия может принять огромное количество мигрантов. Подъем строительной индустрии в Якутии и Магадане связан с эмигрантами из Армении, в золотодобывающей промышленности много ингушей, в Ханты-Мансийском округе и на Таймыре – азербайджанцев. Миграционные процессы, без сомнения, выгодны регионам. Даже самые густонаселённые наши районы по сравнению с европейскими стандартами являются малонаселёнными.

Однако многих пугает такая “этническая мешанина”. И на бытовом уровне в нас живёт ксенофобия, которая подогревается некоторыми политиками, спекулирующими на теме национального самосознания и возрождения. В человеке нет генетической предрасположенности к отторжению другой национальности. Но есть пока настороженная реакция на быстроменяющиеся этнические пропорции в численности населения, на непривычную ситуацию.

Сценарий глобализации и планетаризма мировой цивилизации, рассчитанный на космополитизм и атомизацию общества, исчисление духовных и культурных ценностей через денежный эквивалент противоречат логике российской истории с ее духовными ценностями соборности, человечности и сострадания. Сегодня явно недостаточно высказывать неприятие навязываемых россиянам ценностей западно-

го мира, необходима реалистичная и емкая альтернатива глобализму, которая видится в обращении к российским традициям гражданственности и патриотизма.

Современная национальная доктрина России предполагает формирование гражданского полиэтносоциального общества, обеспечивающего историческую перспективу российской государственности. В условиях полиэтнического, поликонфессионального и поликультурного общества, где 83 % русских составляют государствообразующую нацию, идея общественного функционирования российского патриотизма как социальной ценности и социального механизма в процессе формирования гражданского общества может и должна послужить альтернативой распространению односторонне узких настроений и сценариев.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите первые формы самоуправления в России?
2. Как выстраивались взаимоотношения общества и государства на протяжении истории?
3. Какое общее количество организаций гражданского общества зарегистрировано в современной России? Оцените эффективность их работы.
4. Каковы основные препятствия для формирования гражданского общества в современной России?
5. Каковы, на ваш взгляд, пути развития Российского государства?

Глава 3. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

3.1. Мироззренческо-ценностные ориентации гражданина

На протяжении почти уже двух веков у философов, культурологов и социологов вызывает удивление ряд загадочных суицидальных констант. Измерение интенсивности суицида стало частью демографического знания, суицидологи различного уровня вынуждены констатировать, что разные эпохи существования человечества имеют почти постоянный процент лишаящих себя жизни в состоянии сумасшествия или невменяемости – 17 – 20 % от общего числа добровольных смертей. Действия людей, совершающих попытку суицида, сознательны.

Считается, что сам термин «суицид» стал использоваться с момента опубликования в начале прошлого века знаменитого исследования-эссе о самоубийстве французского социолога Э. Дюркгейма, сосредоточившего свое внимание в основном на сознательном характере феномена. Само понятие «самоубийство» социолог определяет как «смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»⁸. Теорию самоубийств Дюркгейм основывает на болезни общества. В своем этюде автор сразу же отвергает внесоциальные факторы самоубийств (психопатические состояния, расу, наследственность и космические факторы – климат, температуру и т.д.). Указав на их однобокость, Эмиль Дюркгейм переходит к анализу европейского общества, изучая причины «общего недуга»,

⁸ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. в сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – С. 13.

заразившего его (общество). Автор указывает на то, что состав индивидов меняется, а суицидальные настроения остаются. Причины этого он видит в пессимистических настроениях общества и нарушении связи человека с обществом: «...Если разрываются узы, соединяющие человека с жизнью, то это происходит потому, что ослабела связь его с обществом»⁹.

Сегодня суицидологи, как правило, определяют сознательный суицид как результат проявления дееспособной воли, когда страдающим лицом является сам активно действующий субъект, знающий об ожидающих его результатах и сознательно выполняющий план насилия. Перед нами, таким образом, обнаруживает себя феномен особой болезни сознания, для которой еще не придумано медицинского термина, но именно по этому своему показателю он становится объектом пристального внимания философов, социологов и даже политиков. А всякое сознательное действие должно регулироваться морально-правовыми нормами.

История человечества доносит до нас различные трактовки сознательного суицида. С очевидной определенностью можно выделить существование ритуального самоубийства на Востоке (харакири и сати), понятие о суициде как о «легкой» смерти периода родоплеменных отношений и некоторых этапов античной истории, а также понятие о греховности самоубийства в рамках христианской культуры. Подобный разброс оценок приблизителен, так как даже в рамках названных культурных ареалов существовали диаметрально противоположные оценки этого деяния не только с этической, но и с политико-правовой точки зрения.

Экскурс в историю проблемы позволяет сделать вывод, что именно христианский взгляд на смерть и человеческую свободу привнес нечто совершенно новое в оценку суицидального акта по сравнению с восточным ритуалом или античным чувством собственного достоинства. Вместе с правом на индивидуальную свободу человек в христианском мире получил и искушение смертью.

Тит Левий описывал спокойствие, с которым галльские и германские варвары оканчивали жизнь самоубийством. В языческой Дании умереть от болезни в постели для воина считалось позором. Известны

⁹ Дюркгейм Э. Указ. соч. – С. 260.

истории и готская «Скала предков», с которой бросались вниз немощные старики, и гора «Обасутэяма» (в переводе означает «гора, где оставляют бабушек»), на которую уносили умирать японских стариков. Как только презирающий старость испанский кельт вступал в возраст, следующий за полным физическим расцветом, он кончал жизнь самоубийством. Эскимосы, чувствуя приближение старости, уходили замерзнуть в тундру.

С другой стороны, у племен Нигерии, Уганды, Кении самоубийство считалось безусловным злом, причем отвечать за него приходилось родственникам усопшего, которых приносили в жертву и сжигали их жилище.

Говоря о социальных условиях, сопутствующих суициду, и моральных нормах, которые подталкивают к нему человека или препятствуют совершению этого самодеструктивного акта, следует отметить огромное влияние вероисповедания.

Страны мусульманского, иудейского вероисповедания, а также католические христианские страны представляют как в XIX в., так и в настоящее время меньшую опасность для возникновения массовых очагов суицида, чем страны других вероисповеданий и конфессий, например страны с преобладающим в них христианским протестантизмом (США, Германия, Швеция). Существует предположение, что в нехристианских странах такое отношение к самонасилию продиктовано идеологией фатализма, присутствующей в их религиозных учениях, в католических же государствах – организованностью церкви как самостоятельной политической силы, строго и подробно регламентирующей поведение своих верующих сограждан. Конечно, подобная трактовка во многом справедлива, но далеко не полна, так как известно, например, что элемент фатализма в сильной степени присущ индуизму. Тем не менее Индия – это родина одной из форм ритуального самоубийства – сати. В такой католической стране, как современная Франция, в наши дни наблюдается суицидальный всплеск во многом, правда, объяснимый полным безверием жертв собственного насилия.

Таким образом, на путях раскрытия специфики вероисповеданий суицидологам трудно объективно оценить обстановку, не учитывая особенности феномена веры.

Моральные установки часто носят сдерживающий характер в отношении суицида, но имеют место и альтруистические самоубийства,

толчком для которых служат именно они. Примером такого самоубийства может послужить осознанное самопожертвование ради спасения другого человека.

Но сознательный суицид преимущественно асоциален (чем менее интегрирована личность, тем более подвержена она суицидальным настроениям), глубоко эгоцентричен (статистика показывает значительное преобладание эгоистического самоубийства над альтруистическим), обусловлен рядом не только внешних условий, но и скрытых от посторонних глаз внутренних индивидуальных причин.

Что касается правового аспекта феномена суицида, то его также следует рассматривать начиная с экскурса в историю.

Первые попытки правового регулирования акта саморазрушения встречаются в Древней Греции. Там самоубийство санкционировал орган власти (ареопаг). В городах Эллады имелись даже специальные запасы ядов для этих целей. Тех же, кто ушел из жизни «самовольно», без разрешения ареопага, карали посмертным поношением. В Афинах и Фивах труп самоубийцы отсекали руку, которую хоронили отдельно. В Римском праве запрет на самоубийство свободных граждан был закреплен законодательно, но признавались обстоятельства, оправдывающие его. Законным считали уход из жизни в случае «горя, болезни, скорби» или «невыносимости жизни».

Далее упоминания о правовом вмешательстве в процесс суицида датируются XVII – XVIII веками. В это время в России законы, карающие самоубийство, постоянно уточнялись и дополнялись. Например, до проведения реформ Петром Великим предусматривался только суд церкви и никакой уголовной наказуемости за покушение на самоубийство или за самоубийство. Первые формы наказуемости сознательного суицида появились в военном уставе Петра I за 1716 г. Позже по русскому законодательству классифицировались два вида самоубийства: суицид, совершенный в состоянии вменяемости (уголовно наказуемо) и в состоянии невменяемости (ненаказуемо), причем меры, предпринимаемые в отношении сознательно покушавшихся на собственную жизнь, постоянно смягчались. Самоубийцы, которые пошли на смерть из-за патриотизма ради сохранения государственной тайны или из желания сохранить честь и целомудрие, не лишались церковного погребения, все их распоряжения оставались в силе.

В 1860 – 1880-е гг. в ходе реформ в России шла борьба за создание автономной сферы права, которая могла бы играть независимую

роль в гражданском порядке. Главной задачей являлось разделение авторитетов (правового и религиозно-морального) органов власти (церковной и государственной, законодательной и административной) и различных областей права (уголовного и гражданского). Проводившаяся в эти годы судебная реформа установила процедуры судопроизводства (кодифицированные в 1864 г. в «Уставе уголовного судопроизводства»).

В годы реформ законодательство о самоубийстве впервые в России стало предметом изучения и дискуссии профессиональных юристов. Важную роль сыграл труд влиятельного правоведа и реформатора Н. С. Таганцева «О преступлениях против жизни по русскому праву», в котором он критикует русское право. Он выступал за декриминализацию самоубийства, утверждая, что самоубийство нельзя считать преступлением не потому, что оно является результатом душевной болезни, а исходя из понятия автономности юридической сферы (самоубийство послужило удобным примером для иллюстрации этого принципа: закон призван регулировать отношения между членами общества, и так как человек не находится в юридическом отношении к самому себе, самоубийство не может быть предметом законодательства).

В 1871 г. в юридических журналах возникла полемика по вопросу о статусе самоубийства. Либеральный правовец Петр Обнинский в статье об уголовном преследовании покусившихся на самоубийство указал, что в ходе реформ путаница в вопросе о самоубийстве лишь усугубилась. Новый «Устав уголовного судопроизводства» в одной из статей предписывал, что судебное преследование должно прекращаться со смертью обвиняемого. Это положение находилось в явном противоречии с другой статьей «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» о судебном преследовании самоубийц, которая, как и весь кодекс, сохранила свою силу и после реформы судопроизводства. В судебной практике в сложной ситуации находились и случаи попытки к самоубийству, попадавшие в сферу действия различных юрисдикций.

Логическим завершением отделения феномена самоубийства от юридической базы в России явилось принятие советским законодательством в 1922 г. статьи, совершенно исключая наказуемость самоубийства и покушения на него и карающей лишь за содействие или доведение до него.

Для сравнения с приведенным дифференцированным подходом к оценке суицида в России достаточно отметить несколько примеров европейского законодательства: Англия смягчила наказание за самоубийство только в 1870 г. и лишь в 1961 г. отменила уголовную ответственность за суицид; уголовное законодательство Нью-Йорка считало покушение на самоубийство преступлением до 1919 г.; в России по Уголовному Уложению 1903 г. самоубийство уже не считалось преступлением, а предусматривало ответственность только за доведение до самоубийства.

В советское время был ликвидирован сектор социальных аномалий при Центральном статистическом управлении. В этот период нашей истории существовала официально признанная статистика только по доведению до самоубийства.

Другим спорным вопросом оказалась эвтаназия – один из способов добровольного ухода из жизни посредством медицинской помощи или же бездействия врача в критической для жизни индивида ситуации. До сих пор на тему эвтаназии ведутся бурные дискуссии как в государстве, так и в гражданском обществе: стоит ли определять ее как суицид, правомочно ли в этическом плане позволить человеку умереть и т.д.

Термин «эвтаназия» был определен Конгрегацией вероучения в «Декларации об эвтаназии» от 5 мая 1980 г. «Под словом эвтаназия подразумевается всякое действие или, наоборот, бездействие, которое по своей сути или намерению приводит к смерти, имеющей целью устранение боли и страдания».

В мире нет единой точки зрения на эту проблему. В подавляющем большинстве стран активная эвтаназия объявлена вне закона, хотя периодически возникали и возникают попытки подвести юридические основы не только под активную, но даже под принудительную эвтаназию.

На 39-й Всемирной медицинской ассамблее, (Мадрид, Испания, октябрь 1987 г.) была принята «Декларация об эвтаназии». В соответствии с ней эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких признается не этичной. Однако не следует путать это положение с желанием пациента не препятствовать естественному процессу умирания в терминальной фазе заболе-

вания. При этом необходимо уважительное отношение врача к воле умирающего.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. имелось примечание, согласно которому прописывалась ненаказуемость убийства, выполненного по просьбе. Однако уже 11 ноября 1922 г. IV сессия ВЦИК постановила исключить это примечание во избежание множества возникших злоупотреблений «просьбами» граждан. В 1990 г. широкую огласку приобрело дело доктора Джека Геворкяна — бывшего патологоанатома. К 1990-му году он в течение десяти лет ассистировал при добровольной эвтаназии у 92 больных, которые могли бы прожить еще не один год, при этом его трижды безуспешно пытались привлечь к судебной ответственности.

Как бы то ни было, эвтаназия находит свою нишу. В 1994-м г. она была легализована в штате Орегон (США).

В сентябре 1996 г. на законных основаниях позволили умереть больному раком в Австралии, в одном из своих штатов легализовавшей такого рода стороннее вмешательство.

В Европе, а именно в Нидерландах, эвтаназия долгое время была запрещена законом, однако также в 1996 г. Верховный суд и парламент утвердили инструкцию от 14 апреля 1994 г. и определили перечень состояний, при которых врач может ассистировать суициду путем летальной инъекции или назначения препарата перорально. После многолетних дебатов по этому вопросу с широким освещением в печати 29 ноября 2000 г. эвтаназию разрешили законодательно, однако с большими оговорками. Как уже говорилось выше, влияние веры на вопрос жизни и смерти достаточно велико и немалое значение в принятии решения о легитимности эвтаназии в Нидерландах сыграл относительный либерализм католической церкви в этой стране.

«Де юре» добровольная эвтаназия разрешена в Японии, однако встречается крайне редко. С 1937 г. она при соответствующем юридическом оформлении была разрешена и в Швейцарии, а в Германии эвтаназия никогда не была противозаконной, однако общественное мнение не одобряет ее проведение. В 2001 г. эвтаназия узаконена в Бельгии.

Бросается в глаза элитарный подход общества в оценке эвтаназии. Так, с одобрением была принята эвтаназия 37-го президента США Ричарда Никсона. После первого инсульта он написал обраще-

ние к лечащим врачам с просьбой не прибегать к искусственным методам продления его жизни в случае повторения кровоизлияния в мозг, когда он не сможет выразить свою волю. Но здесь вопрос эвтаназии находится на тонкой грани с последней волей умирающего о невмешательстве в естественный процесс смерти. Также сознательно прекратил принимать лекарства после консультации с личным врачом и составления завещания президент Франции Франсуа Миттеран, страдавший последней стадией рака. И в этом случае в прессе отмечалась мужественность именитого больного, желание быть хозяином собственной судьбы.

Либеральные законы Швейцарии привели к возникновению понятия «туризма для эвтаназии». Известность приобрела компания «Dignitas» в Цюрихе, которая помогает всем желающим покинуть этот мир. Только в 2001 г. клиентами компании стали 50 самоубийц. По оценкам экспертов, число клиентов «Dignitas» достигло 1700 человек. Особую обеспокоенность властей вызывает то, что эвтаназию абсолютного большинства клиентов компании проводят в первый день приезда в Швейцарию потенциального самоубийцы, причем без анализа врачебных заключений. Это приводит к тому, что помощь в уходе из жизни получают не только те, кто страдает неизлечимыми заболеваниями, но и просто психически неуравновешенные лица. Цюрих постепенно становится «всемирной столицей эвтаназии».

Что касается взгляда на проблему саморазрушения с моральной точки зрения, то религии (христианство, иудаизм, ислам) запрещают любые формы эвтаназии (опять же с некоторыми оговорками). В основе христианства лежит постулат о том, что жизнь священна и неприкосновенна. На нее никто не имеет права посягать, в том числе ни врач, ни сам человек. Именно в этом смысл библейской заповеди «Не убий!»

Внимание социологов и политиков должно быть сконцентрировано на том, что сознательный суицид может выступить в качестве той лакмусовой бумажки, которая поможет отличить черное от белого на протяжении всей нашей противоречивой истории последнего столетия как в сфере нравственности, так и в политической и законодательной областях.

Огромную роль в управлении суицидальным поведением должно играть государство и гражданское общество (даже в большей степе-

ни). Именно общество имеет огромное влияние на суицидальную среду (это понятие мы вводим вслед за Ф.И. Шарковым). Сдерживающая роль отводится в данной проблеме общественному мнению и воспитательному процессу внутри общества в целом и семьи как его ячейки.

Таким образом, адекватная оценка суицидальности как государством, так и гражданским обществом в тандеме с принятием верной позиции по данному вопросу и профилактикой явлений самоубийства на разных уровнях может в значительной мере сократить количество суицидов.

Гражданское общество – продукт длительного исторического развития, оно стало формироваться в XVIII в., когда началась дифференциация общества, стала усложняться его структура.

В социологии понятие гражданского общества не входит в жесткие рамки одного точного определения. Оно многозначно. Выделим два главных:

1. Гражданское общество как отражение реальности, существующей независимо от нашего сознания.

2. Гражданское общество как лозунг или идеал, к установлению которого на земле стремились многие поколения прогрессивно мыслящих людей.

В первом случае гражданское общество охватывает всю совокупность неполитических отношений. Однако второе значение понятия гражданского общества существенно отличается от первого. В качестве социологической категории гражданское общество констатирует, что есть реальность (совокупность неполитических отношений). Но в качестве идеологического понятия гражданское общество указывает, какой должна быть та реальность, к которой устремлены взоры прогрессивно мыслящих людей. Речь здесь идет о некоем идеале или лозунге. И как идеал гражданское общество олицетворяет собой идеальное общество – общество свободных, суверенных личностей, наделенных самыми широкими гражданскими и политическими правами (однако не стоит забывать и обязанности), активно участвующих в управлении государством, свободно выражающих свои мысли, беспрепятственно удовлетворяющих разнообразные потребности: создающих любые организации и партии, нацеленные на защиту интересов этих личностей.

Переход от социализма к капитализму в нашей стране осуществлялся именно под лозунгом утверждения ценностей гражданского общества.

В современной российской цивилизации противоречие между традиционным и современным мировоззрением является важнейшим источником развития общества и различных социальных групп, включая в том числе молодежь. Именно молодежь должна стать движущей силой, опорой гражданского общества. Исследование роли молодежи в формировании гражданского общества представляет научный интерес как для понимания проблем этой социальной группы, так и для объяснения перспектив развития общества в целом.

Современное понимание гражданского общества предполагает наличие у него комплекса существенных признаков:

1. Гражданское общество – это сообщество свободных индивидов. В экономическом плане сказанное означает, что каждый индивид является собственником. Социологи в своих рекомендациях по поводу улучшения положения молодежи в обществе делают акцент на материальной стороне вопроса. Молодежь сегодня должна реально обладать теми средствами, которые необходимы человеку для его нормального существования. Положительным моментом здесь является то, что молодые люди свободны в выборе форм собственности, определении профессии и вида труда, распоряжении результатами своего труда.

В социальном плане принадлежность молодого человека к определенной социальной общности не является абсолютной: он может существовать самостоятельно, имеет право на достаточно автономную самоорганизацию для удовлетворения своих потребностей и интересов.

Политический аспект свободы индивида как гражданина заключается в его независимости от государства, т.е. в возможности, например, быть членом политической партии или объединения, выступающей с критикой существующей государственной власти. В настоящее время зафиксировано критическое отношение молодежи к существующим государственным и общественным структурам, недоверие к которым испытывает большая часть молодых людей. Деятельность этих структур никаким образом не стимулирует общественную и политическую активность молодежи, которая в потенциале имеет огромную социальную энергию.

2. Гражданское общество – открытое социальное образование. В нем обеспечиваются свобода слова, критики, гласность, доступ к раз-

личного рода информации. Так, почти 70 % молодых людей в РФ считают, что они достаточно внимательно следят за материалами СМИ, освещающими процессы в стране.

3. Гражданское общество есть сложноструктурированная плюралистическая система. Наличие многообразных общественных форм и институтов позволяет выразить и реализовать самые разнообразные потребности и интересы молодежи, раскрыть всю оригинальность человеческого существа.

4. Гражданское общество – это саморазвивающаяся и самоуправляемая система. Молодые люди, объединяясь в различные организации, устанавливая между собой разнообразные отношения, реализуя свои порой противоположные интересы, тем самым обеспечивают гармоническое, целенаправленное развитие общества без вмешательства государства.

5. Гражданское общество – правовое демократическое общество, где связующим фактором выступают признание, обеспечение и защита естественных и приобретенных прав человека и гражданина.

3.2. Социологические аспекты изучения гражданского общества

В связи с интенсификацией всей социальной жизни, углублением и расширением связей внутри социальных объектов меняются требования к самим социологическим исследованиям, а следовательно, к отдельным этапам исследования, раскрывающим их логику. Традиционное понимание этих этапов для сложных социальных объектов иногда выглядит упрощенным, не учитывающим их системный характер, хотя и предполагает включение тех требований к исследованию, которые порождены усложняющимися задачами социальной практики.

Одна из основных задач социолога заключается в том, чтобы выделить те этапы исследования, которые наиболее остро отражают необходимость методологического осмысления и применения методов анализа, адекватных сложной структуре социального объекта и повешенным требованиям современной жизни. В чем заключается сложность и нетрадиционность объектов эмпирического социологического исследования, какие методы их исследования способны удов-

летворять современным запросам практики, какие методологические и методические проблемы возникают перед исследователем при использовании этих методов в решении реальной практической задачи – вот тот круг вопросов, на которые и должен ответить социолог.

Разработка программы социологического исследования подчиняется определенной логике, обеспечивающей научный подход к решению изучаемой социальной проблемы, надежность и обоснованность выводов исследования. Четкая формулировка изучаемой проблемы предопределяет цели и задачи социологического исследования, выбор объекта и единиц исследования, разработку предмета исследования, а также методического инструментария.

В социологической литературе в целом очерчен круг основных характеристик таких сложных объектов исследования, к которым чаще всего можно отнести социальные. Основное, что их характеризует, это невозможность описания таких объектов единой моделью или единой теорией. Их описывают совокупностью моделей, каждая из которых отражает какой-то специфический аспект поведения объекта, будучи заведомо неполной. При этом часто идут не от специфики объекта, а от того взаимодействия, в которое мы хотим этот объект вовлечь.

Следующая особенность социальных объектов заключается в том, что они представляют собой совокупность целеполагающих элементов, действующих согласно своим целям, знаниям, опыту, ценностям, что в принципе меняет методологию и методику изучения этих объектов. При этом, возможно, что целевое и функциональное назначение отдельных компонентов системы стабильно и известно, в то время как эти же параметры системы в целом неопределенны, в результате чего структурные и другие взаимосвязи между элементами организуются не «сверху вниз», а «снизу вверх». Такое положение является следствием плохо структурированной задачи, когда подход к объекту не диктуется целостным представлением о нем, хотя особенности объекта изучения позволяют рассматривать его как систему.

Отсюда исследование социальной проблемной ситуации, которая определяется не только сложностью изучаемого объекта и интенсивностью его внутренних связей, но чаще всего и особенностями его взаимодействия с социальной средой, задачами, диктуемыми социальной практикой, предполагает и ее системное исследование.

Важной особенностью методологии системного исследования является разработка стратегии самого исследования, когда программа исследования опирается на концептуальную модель объекта как целого, которая и выполняет функции средства организации исследования. В результате этого исследователь уже в самом начале исследования исходит из системного представления об объекте, и это один из парадоксов системного исследования. Следует отметить, что объекты становятся предметом системного исследования на определенном теоретическом уровне рассмотрения, а не в их эмпирической данности тогда, когда появляется необходимость синтеза различных системных представлений, полученных при изучении различных «срезов» социального объекта.

Тема поиска путей формирования гражданского общества в России отнюдь не нова – с разной степенью глубины она обсуждается с конца восьмидесятых годов. В результате само понятие «гражданское общество» давно на слуху и вызывает в массовом сознании в основном позитивную реакцию (здесь и далее приведены результаты исследования «Молодежь России и ценности гражданского общества», проведенного «Среднерусским консалтинговым центром» весной 2002 г. в нескольких регионах России; опрошено 1730 чел., в том числе 1469 чел. в возрасте от 15 до 30 лет (основная группа), а также 261 чел. в возрасте свыше 40 лет, которые составили контрольную группу для проведения сравнительного анализа установок молодежи и старшего поколения россиян).

Достаточно сказать, что по результатам настоящего исследования лишь 7 % молодежи в возрасте от 15 до 30 лет и 6 % людей старше 40 лет считают гражданское общество неприемлемым для России.

Оценка перспектив формирования гражданского общества в России

Реальную ситуацию с развитием гражданского общества большинство респондентов оценивают вполне трезво. Лишь каждый десятый из числа опрошенных молодых людей полагает возможным уже сейчас говорить о наличии в России гражданского общества, в то время как 40 % называют подобное заявление преждевременным, при этом, правда, считая, что процесс формирования гражданского общества уже начался.

Довольно заметна доля пессимистов, считающих, что в ближайшее время создание гражданского общества в России вряд ли возможно (25 %).

Отметим, что старшее поколение (респонденты старше 40 лет) оценивает перспективы построения в России гражданского общества еще более пессимистично: доля считающих успех маловероятным даже чуть больше доли полагающих, что процесс уже пошел (36,5 % против 34,9 %).

Важно иметь в виду и то, что у четверти опрошенных вопрос о степени развитости российского гражданского общества вызвал затруднения.

С еще большими трудностями столкнулись респонденты при ответе на вопрос о том, какой путь формирования гражданского общества наиболее вероятен в России. Как уже отмечалось выше, 7 % посчитали, что такое общество России вообще не нужно. Остальные же разделились на три примерно равные группы.

Затруднились с ответом 29 % опрошенных.

Доля ожидающих формирования гражданского общества «снизу» за счет инициативы россиян, осознания ими потребности в объединении для защиты своих прав и интересов совсем незначительно превышает долю считающих более вероятным развитие гражданского общества «сверху», по инициативе исполнительной власти (34 % против 30 %).

Старшее поколение, в отличие от молодежи, сомневается в готовности россиян к самоорганизации и считает более вероятным путь «сверху» – 32 % против 22 % в пользу пути «снизу». Показательно и то, что у представителей старшего поколения этот вопрос вызвал еще большие затруднения, чем у молодежи (40 %).

Какой же смысл вкладывают респонденты в само понятие «гражданское общество»?

Представления россиян о том, что такое гражданское общество

При разработке инструментов исследования мы включили в анкету три группы вариантов ответа на вопрос «Как по Вашему, что такое гражданское общество?»

Первую группу составили формулировки, отражающие наиболее общепринятое в научной литературе понимание смысла изучаемого социального феномена:

- самоуправляемое общество, свободное от диктата со стороны государства, но сотрудничающее с ним для выполнения функций защиты от внешней угрозы, поддержания правопорядка и т.п.;

- общество, в котором граждане имеют возможность создавать независимые от государства объединения для защиты собственных интересов.

Выбор респондентом этих вариантов ответов свидетельствует о наиболее адекватном понимании самой сути гражданского общества.

Во вторую группу вошли формулировки, отражающие в целом правильное понимание явления, однако позволяющие выявить склонность респондентов к тем или иным отклонениям от классического определения, вызванным конкретными политическими взглядами или идеологическими установками:

- общество, где главенствует закон и все люди перед ним равны (данная формулировка занимает промежуточное положение между первой и второй группами, поскольку, с одной стороны, ее выбор свидетельствует о частичной подмене респондентом понятия «гражданское общество» понятием «правовое государство», но с другой, одно вряд ли возможно без другого);

- общество, в котором частные интересы граждан имеют приоритет над общественными (крен в сторону индивидуализма);

- общество, в котором у его членов воспитывается гражданская позиция и общественные интересы имеют приоритет над частными (крен в сторону коллективизма);

- общество, в котором самоуправление граждан заменяет государственные органы управления (крен в сторону самоуправленческого радикализма).

Третья группа содержит те или иные варианты заблуждений в определении понятия «гражданское общество»:

- сообщество граждан, населяющих данную страну (тавтологическое определение);

- общество, в котором армия и силовые структуры не играют значительной роли («гражданское» как антитеза «военизированному»);

- общество, свободное от влияния религии («гражданское» как антитеза «религиозному», «церковному»).

Отвечая на вопрос, каждый респондент мог выбрать несколько, но не более трех наиболее характерных, с его точки зрения, определений.

Конечно же, был предложен и вариант «Не знаю, что такое гражданское общество» (признали это 10 % опрошенных).

Анализ результатов развеивает уверенность «высоколобых» скептиков в том, что большинство россиян совершенно не представляют себе, что такое гражданское общество. Конечно, переоценивать уровень осведомленности также не следует – просьба в ходе пилотных интервью дать свою формулировку понятия вызывала у респондентов серьезные трудности, однако с предложенными в анкете вариантами опрошенные разобрались довольно неплохо.

На провокацию с включением ложных определений «попались» в общей сложности 29 % опрошенных: 16 % указали, что гражданское общество это просто сообщество граждан, населяющих данную страну, 7 % посчитали гражданским общество, свободное от влияния религии, и 5 % противопоставили гражданское общество обществу военизированному. Однако и среди «заблуждающихся» от 20 до 25 % выбрали наряду с «неправильными» и те или иные варианты адекватных ответов.

В целом более половины молодых людей теоретически точно определили гражданское общество, либо назвав его основным признаком наличия у людей права и возможности создавать независимые от государства объединения для защиты своих интересов (27 %), либо трактуя гражданское общество как самоуправляющееся, свободное от диктата государства, но сотрудничающее с ним для выполнения функций защиты от внешней угрозы, поддержания правопорядка и т.п. (31 %).

На полной замене государственных органов управления самоуправлением граждан настаивают лишь 8 % молодых людей и 3 % представителей контрольной группы.

Обращает на себя внимание то, какое значение придается респондентами правовой стороне вопроса: абсолютное большинство – 64 % среди молодежи и 72 % среди представителей старшего поколения – связали гражданское общество с главенством закона и равенством всех перед ним.

Таким образом, правовая защищенность является для россиян более важной характеристикой гражданского общества, чем возможность для самоорганизации и самоуправления.

Вероятно, это объясняется тем, что объективно ни законодательство, ни политическая, ни социальная практика сегодня не препятствуют самоорганизации и объединению граждан (вопрос в готовности и в способности россиян воспользоваться этим правом), в то время как с правовой защищенностью (особенно с равенством всех перед законом) дела в России обстоят пока неважно. Возможно, сказывается и то, что для большинства такие понятия, как самоорганизация, самоуправление, остаются некими абстракциями, в то время как закон воспринимается как нечто конкретное.

Проблема сбалансированности общественных и частных интересов волнует респондентов куда в меньшей степени. Интересно, что приоритетность общественных интересов подчеркивается молодыми чаще, чем приоритетность частных (17 % против 11 %). Это, правда, не позволяет говорить об устойчивости ценности коллективизма – полученный результат свидетельствует лишь о том, что молодежи гражданское общество представляется стоящим на защите в первую очередь общественных интересов. Кстати, старшее поколение считает гражданское общество индивидуалистическим чаще, чем молодежь (14 % против 11 %).

Как и следовало ожидать, характер представлений о том, какое общество следует считать гражданским, повлиял на оценку степени развитости такого общества в России.

Среди респондентов с наиболее примитивными представлениями о гражданском обществе («сообщество граждан», «общество, свободное от влияния армии или религии») каждый четвертый считает, что оно уже существует в России, в то время как среди наиболее сведущих (избравших для определения гражданского общества варианты ответов из первой группы) такую оптимистичную точку зрения разделяют лишь 6 – 8 % опрошенных. Именно «знатоки» чаще других склоняются к тому, что о наличии гражданского общества в России говорить пока рано, хотя и признают, что такой процесс уже начался (49 – 54 % против 40 % в среднем по выборке). Да и доля пессимистов, считающих, что формирование гражданского общества в России в ближайшее время вообще вряд ли возможно, среди них достаточно

заметна, особенно среди тех, кто определяет гражданское общество как самоуправляющееся и свободное от диктата со стороны государства (30 %).

Добавим также, что молодые люди, связывающие гражданское общество в первую очередь с самоуправлением и самоорганизацией, заметно чаще других считают, что такое общество должно формироваться «снизу» (44 – 46 % против 34 % в среднем по выборке).

Итак, исходя из приведенных выше результатов видно, что большинство опрошенных довольно адекватно представляет себе, что имеют в виду политики и политологи, когда говорят о гражданском обществе. Половина опрошенных связала гражданское общество с самоуправлением, с известной долей автономии общества во взаимоотношениях с государством, а также с самоорганизацией граждан и их потребностью в объединении для защиты своих интересов. При этом следует говорить о невольной склонности респондентов вкладывать в понятие «гражданское общество» содержание понятия «правовое государство» – абсолютное большинство назвали главным признаком гражданского общества главенство закона.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как Э. Дюркгейм определял понятие «самоубийство»?
2. Известно утверждение Ф. Ницше о том, что не Афины протянули Сократу чашу с ядом, а он сам вынудил Афины протянуть ему чашу с ядом. Выразите свое отношение к данному высказыванию. Можно ли назвать поступок Сократа самоубийством? Ответ обоснуйте.
3. Какая наука своим предметом имеет так называемые «моральные действия», к которым относились брак, рождение, преступление, но, прежде всего, самоубийство?
4. На ваш взгляд самоубийство – это личная трагедия человека, решившегося покончить с жизнью, и его семьи или трагедия всего общества? Ответ обоснуйте.
5. Эвтаназия: за или против? Должна ли быть легализована эвтаназия?
6. Играет ли общественное мнение какую-нибудь роль в принятии решения о самоубийстве?

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. История формирования гражданского общества в России.
2. Взаимодействие государства и церкви как социальных институтов.
3. Гуманизм и антропоцентризм как мировоззренческая основа складывания новой парадигмы мышления.
4. Анемитская революция (сер. XVII в.): идеи, лозунги, опыт
5. Индивид и личность от Платона до Ф. Бэкона.
6. Мировоззренческие основы формирования автономной личности (XVI – XVII вв.).
7. Социально-политический идеал: утопическое и реальное (Т. Мор, Н. Макиавелли, Т. Компанелла, Ф. Бэкон).
8. Мораль и закон: общее и различное.
9. Особенности современного гражданского общества и российского государства.
10. Проблемы и перспективы развития гражданского общества в современных российских реалиях.
11. Права и свободы гражданина как главный фактор формирования гражданского общества.
12. Проблемы стабильности в современном мире.
13. Взаимодействие гражданского общества и государства.
14. Пути развития демократии в России.
15. Геополитические условия развития современного российского государства.
16. Проблемы консолидации в современном гражданском обществе.
17. Коммуникационные процессы в современной России.
18. Гражданское общество и проблемы социально-экономической стабильности в современной России.
19. Социологический анализ политических интересов и ориентаций различных социальных групп.
20. Участие граждан в функционировании государственной власти и органов местного самоуправления (формы и методы).

21. Взаимосвязь политики и духовной жизни общества.
22. Проблема толерантности в системе межконфессиональных отношений в современном российском обществе.
23. Свобода совести и новые религиозные организации в условиях формирования гражданского общества.
24. Формы и методы взаимодействия гражданского общества и государства.
25. Формы местного самоуправления.
26. Органы местного самоуправления: способы участия граждан, роль гражданских общественных объединений.
27. Механизмы регулирования деятельности органов местного самоуправления.
28. Общественные объединения: сущность, тенденции развития.
29. Динамика развития общественных объединений.
30. Специфика социологического подхода к изучению гражданского общества.
31. Специфика социологического подхода к изучению общественных объединений и политических партий.
32. Динамика политических отношений.
33. Классовая структура современных демократических обществ.
34. Теории элиты и их соотнесение с современным российским обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем пособии раскрываются некоторые теоретические и практические аспекты взаимодействия государства и гражданского общества как в современной цивилизации в целом, так и в России, в частности.

Данное взаимодействие носит достаточно сложный, противоречивый характер. Так, с одной стороны, государство, выражая "всеобщий интерес", пытается доминировать над всем обществом. С другой стороны, граждане стараются объединиться для реализации и защиты собственных личностных интересов, образуя тем самым гражданское общество. Его элементами являются такие сферы, как сфера имущественных отношений, межличностных отношений, досуга и культурных предпочтений, общественных организаций и движений.

В современной России особенности взаимодействия государства и гражданского общества определяются характером модернизационных процессов.

На протяжении всей истории нашей страны государство занимало и занимает лидирующее положение, подчиняя себе и общество, и личность. В то же время складывающиеся элементы гражданского общества в современной России позволяют говорить о некотором обеспечении им инициативности, самостоятельности и самостоятельности индивидов.

Гражданское общество и государство должны выступать именно как правовые демократические институты, главной целью которых является обеспечение защиты естественных и приобретенных прав человека и гражданина, реализация его творческих сущностных сил, и только в этом случае само взаимодействие государства и гражданского общества может быть достаточно гармоничным, взаимовыгодным, партнерским.

В этой связи материал настоящего пособия представляет возможность для дальнейшего изучения именно правового характера взаимоотношения государства и гражданского общества.

Рекомендуемый библиографический список

1. Гершунский, Б. С. Гражданское общество в России: Проблемы становления и развития : пособие для самообразования / Б. С. Гершунский. – М. : Педагогическое общество России, 2001. – Чебоксары. – 460 с. – ISBN 5-93134-140-4.
2. Баталов, Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах / Э. Я. Баталов. – М. : Политиздат, 1989. – 319 с. – ISBN 5 – 250-00726-0.
3. Ясперс, К. Истоки истории и её цели. Смысл и назначение истории : пер. с нем. / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с. – ISBN 5-250-01357-0.
4. Бакштановский, В. И. Гражданское общество : новая этика / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. – Тюмень: НИИ прикладной этики, 2003. – 224 с.
5. Власть, бизнес и гражданское общество: общественно-политическая литература. – М. : Объединенное гуманитарное издательство, 2003. – 279 с. – ISBN 5-94282-132-1.
6. Поговорим о гражданском обществе. – М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2001. -134 с. – (Серия «Хроника социологических наблюдений»). – ISBN 5-93947-010-6.
7. Рашковский, Е. Гражданское общество: религиозное измерение проблемы / Е. Рашковский // Мировая экономика и международные отношения. 1996. – № 5. – С. 116 – 129.
8. Гаджиев, К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 19 – 35.
9. Пуляев, В. Т. Движение к гражданскому обществу : российский вариант / В. Т. Пуляев // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 3 – 18.
10. Батыгин, Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии / Г. С. Батыгин. – М. : Наука, 1986. – 270 с.
11. Батыгин, Г. С. Лекции по методологии социологических исследований : учеб. для высш. учеб. заведений / Г. С. Батыгин. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 286 с. – ISBN 5-7567-0016-1.

12. Гречихин, В. Г. Лекции по методике и технике социологических исследований : учеб. пособие / В. Г. Гречихин. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 232 с.
13. Ядов, В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы / В. А. Ядов. – Самара : Изд-во «Самарский университет». – 1995. – 329 с. – ISBN 5-230-06020-4.
14. Черняк, В. З. История государственного и муниципального управления России / В. З. Черняк. – М. : РДЛ, 2001. – 528 с. – ISBN 5-93840-015.
15. Багратян, Г. А. Общество и государство / Г. А. Багратян ; пер. с армянского В. Аветисяна. – М. : Изограф, 2000. – 320 с. – ISBN 5-87113-078-X.
16. Шестопал, Е. Б. Личность и политика : критический очерк современных западных концепций политической социализации / Е. Б. Шестопал. – М. : Мысль, 1988. – 205 с. – ISBN 5-244-00013-6.
17. Каган, М. С. Гражданское общество как культурная форма социальной системы / М. С. Каган // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 47 – 61.
18. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. – 2002. – № 1. – С. 3 – 51.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ПРОЦЕССЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ	4
1.1. Институциализация основ взаимодействия гражданского общества и государства	4
1.2. Механизмы и способы взаимодействия гражданского общества и государства.....	13
Контрольные вопросы и задания	16
Глава 2. ВЛАСТЬ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	17
2.1. Власть и институты гражданского общества.....	17
2.2. Гражданское общество и его проявление в некоторых сферах	23
Контрольные вопросы и задания	25
Глава 3. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА	26
3.1. Мировоззренческо-ценностные ориентации гражданина	26
3.2. Социологические аспекты изучения гражданского общества.....	36
Контрольные вопросы и задания	43
Примерные темы рефератов	44
Заключение	46
Рекомендуемый библиографический список.....	47

Учебное издание

НОВИКОВ Игорь Александрович
БАРАНОВА Лариса Михайловна
НЕЧАЕВА Ирина Игоревна и др.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Учебное пособие по дисциплине «Социология»

Подписано в печать 28.09.07.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 0,00. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.